

Борьба с семейственностью в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР в начале 50-х гг. XX в.

О. А. Валькова

В статье на материале ранее не опубликованных архивных документов рассмотрена история политической кампании по борьбе с «семейственностью», проходившая в научных учреждениях Академии наук СССР в начале 1950-х гг. На протяжении столетий наука оставалась семейным делом. В истории науки хорошо известен выдающийся вклад, внесенный в развитие знания представителями многих научных династий. Однако в СССР совместная работа родственников в научных учреждениях была запрещена законодательно, а термин «семейственность» постепенно приобрел негативный оттенок, который ассоциировался с проявлениями коррупции и nepотизма. Тем не менее запреты регулярно нарушались. В середине 50-х гг. XX в. руководство Коммунистической партии СССР инициировало кампанию по борьбе с проявлениями семейственности в научных учреждениях АН СССР. Основное внимание в статье уделено событиям, проходившим в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР – ведущем научном институте своего профиля. В статье прослеживаются этапы кампании, а также особое внимание уделяется мотивам ее проведения.

Ключевые слова: семейственность, Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР, XIX съезд КПСС.

Для цитирования: Валькова О. А. Борьба с семейственностью в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР в начале 50-х гг. XX в. // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 45–68. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_45. EDN: KAJTFC

Введение

В настоящее время семья как общественный институт вызывает интерес самых разных специалистов гуманитарного профиля, в т. ч. историков. Помимо прочего обращает на себя внимание роль семей в развитии различных направлений человеческой деятельности и отношение к «семейной» организации отдельных видов этой деятельности со стороны общества и государства. Факты свидетельствуют о том, что отношение это было неоднозначным. Например, в советских газетах нередко встречаются заголовки статей, прославлявших рабочие династии. В то же время государственные администраторы организовывали кампании по борьбе с семейственностью в научных учреждениях. Причины подобного дуализма в настоящее время не очень понятны и заслуживают внимательного изучения. В данной статье мы проанализируем отношение к семейным группам в учреждениях Академии наук СССР середины XX века. Столетиями наука как область человеческой деятельности, как профессия оставалась во многом семейным предприятием, что с возрастанием ее влияния на экономику и политику и, соответственно, с возрастанием престижа профессии ученого, с увеличением количества людей, занятых научной деятельностью, стремящихся к этой деятельности, привело к возникновению споров о соотношении удачной наследственности и врожденного таланта в ученых и о влиянии этих факторов на конечный успех их работы [1; 2]. Несмотря на хорошо известный вклад в развитие человеческого знания, внесенный многими научными династиями, с расширением научной отрасли начали появляться сомнения в эффективности функционирования замкнутой (в значительной степени) системы.

Современные историки и социологи науки солидарны в том, что происхождение человека из «научной семьи», во-первых, увеличивает вероятность его вовлеченности впоследствии именно в научную деятельность, во-вторых, значительно облегчает прохождение этапов научной карьеры, благодаря уже наработанным неформальным связям его семьи в научном сообществе [3; 4]. Однако одновременно существует мнение о негативном влиянии родственных и дружеских связей, понижающих научное сообщество, на развитие научного знания как такового, поскольку они затрудняют приход в профес-

сию и профессиональную деятельность талантливых людей «со стороны», лишенных доступа к этой паутине взаимных связей. Исследователи пытаются изучить текущее положение дел с помощью анализа больших данных [5], однако многие государства, в том числе СССР, относились резко отрицательно к «семейной» организации научной отрасли даже без проведения предварительных исследований. Такое отрицательное отношение породило термин «семейственность», ставший со временем синонимом слов коррупция и nepotism. О семейственности как таковой и ее отрицательном влиянии на различные сферы деятельности в нашей стране написано немало [6]. Однако применительно к науке, тем более к ее истории, проблема (за редкими исключениями) [7] практически не изучалась. В настоящей статье мы рассмотрим один конкретный эпизод – кампанию по борьбе с семейственностью, развернутую в институтах АН СССР и прежде всего в одном из ведущих и наиболее важных в научном отношении физических институтов страны – Физическом институте им. П. Н. Лебедева – в начале 50-х гг. XX в.; постараемся выявить организаторов и исполнителей, определить причины, двигавшие ими, а также выяснить реакцию научного сообщества на происходившее.

Отношение советского руководства к институту семьи

У первых руководителей Советской России существовало двойное отношение к семье. С одной стороны, они считали, что государство должно собственноручно регистрировать семьи и регулировать их жизнь, что привело к большому вниманию, уделявшемуся семейному законодательству буквально с первых месяцев деятельности большевиков. С другой стороны, с самого прихода к власти новое правительство использовало институт семьи для сегрегации отдельных социальных групп населения, а также чрезвычайно настороженно относилось к возможности влияния семей и семейных связей на государственные, общественные и профессиональные дела. Эта подозрительность вылилась в целый ряд законодательных актов. Уже 27 июля 1918 г. В. И. Ленин подписал Постановление СНК РСФСР «Об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях», в соответствии с которым не могли «состоять на службе: 1) в одном и том же отделе какого-либо

Советского учреждения, как центрального, так и местного, – лица, находящиеся в родстве или свойстве между собою; 2) в одном и том же учреждении – лица, находящиеся в родстве или свойстве с кем-либо из ответственных руководителей данного учреждения». Это же постановление уточняло: «При приеме на службу новых лиц рекомендации родственников ни в коем случае не могут быть принимаемы во внимание». В соответствии с непростыми революционными временами наказание для нарушителей предусматривалось суровое: «Лица, виновные в нарушении настоящего декрета» подлежали «немедленному устранению от должностей», а «в особо важных случаях» виновные предавались «суду Революционного Трибунала»¹.

Реальность, естественно, вмешивалась в теорию. Уже в 1920 г. правительство вынуждено было «допустить в случаях острого недостатка рабочих рук совместную службу родственников в Советских учреждениях», хоть и с оговорками, исключительно с разрешения руководящих органов этих учреждений и «с непременным сообщением копии постановления в каждом отдельном случае в Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции, Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов и Народный Комиссариат Труда»². Но всего через два года, в 1922 г., СНК РСФСР принял «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях», статья 2 которых прямо запрещала «состоять на государственной службе в одном учреждении или предприятии лицам, соединенным между собою близким родством или свойством (родители, супруги, братья, сестры, сыновья, дочери, а равно братья, сестры, родители и дети супругов), в случае, если одновременное состояние их на службе связано с подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому». Лица, принятые на государственную службу в нарушение данного декрета, подлежали увольнению «без предупреждения и компенсаций»³.

Современные исследователи объясняют принятие этих законодательных актов борьбой с коррупцией [8]. Однако при-

¹ Об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях: постановление СНК РСФСР от 27 июля 1918 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² О совместной службе родственников в советских учреждениях: декрет СНК РСФСР от 16 июня 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_696.htm (дата обращения: 22.07.2023).

³ Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях: декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1922 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1464.htm (дата обращения: 22.07.2023).

нятые положения касались не только чиновников, но и других категорий государственных служащих, в том числе ученых. Для научного сообщества, в котором профессия ученого традиционно передавалась по наследству, супруги часто работали вместе (официально или нет) над различными научными проектами, и в целом неформальные, родственные связи между людьми имели громадное значение, а условий для коррупции просто не существовало, появление подобных законов должно было казаться странным. Насколько мы можем судить сегодня, представители научного сообщества не обратили особого внимания на новые нормативные акты и продолжили следовать привычным курсом; количество официально работавших вместе родственников-ученых наоборот должно было увеличиться по мере появления все большего количества женщин – научных сотрудников, поскольку их присутствие в научных учреждениях приводило естественным образом к созданию «научных пар» и впоследствии «научных семей». Но статистических данных о количестве работавших в советской науке родственников в настоящее время нет.

Государство, однако, в целом продолжало проводить свою линию в отношении совместной службы родственников. Конечно, возникали исключения, особенно когда дело шло о специалистах. Например, в 1923 г. исключения были сделаны для «педагогов, лекторов, преподавателей и библиотекарей во всех учреждениях и заведениях ученого, учебного и воспитательного характера», а также «агрономов, землемеров, энтомологов, селекционеров, мелиораторов и ученого персонала в опытно-показательных станциях, советских хозяйствах и т. п. учреждениях Народного Комиссариата Земледелия», но только в «исключительных случаях» и после множества согласований¹; декрет от 6 июня 1924 г. ввел исключения для «лиц, занимающих должности метрологов, лаборантов и поверителей Главной Палаты мер и весов Союза ССР и ее местных учреждений» и др², но общая политика оставалась неизменной, а 2 статья «Временных правил...» утратила свою силу только в 1972 г. только потому, что все накопившиеся за прошедшие годы ис-

¹ Об изъятиях ст. 2. Временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях: декрет СНК РСФСР от 10 декабря 1923 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Об изъятии из ст. 2 Временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях: декрет СНК РСФСР от 6 июня 1924 г. // СПС «КонсультантПлюс».

ключения из нее были собраны в едином новом документе, действовавшем до 31 января 2020 г.¹ За все это время исключение для сотрудников АН СССР было сделано только в 1954 г. и только «в отношении работников научных учреждений», «находящихся в районах Крайнего Севера и других отдаленных местностях РСФСР»².

«Семейственность» как отрицательное понятие в партийной риторике

К середине XX в. такая политика привела к тому, что термин «семейственность», в своем прямом понимании означавший «приверженность интересам семьи», приобрел в общественно-политическом поле резко отрицательное значение, подразумевавшее «злоупотребление семейным положением ради интересов семьи»³ и в ущерб интересам общества в целом. Выявление большого количества родственников, работавших в одном учреждении или подразделении в штатах научного учреждения, стало признаком неудовлетворительной работы его дирекции. В 1951 г. с подачи правительства в научных институтах Академии Наук СССР была развернута кампания по борьбе с семейственностью, затронувшая повседневную жизнь сотен, если не тысяч людей.

В «Отчете о работе с кадрами в Академии наук в 1950 г.», подписанном президентом АН СССР, академиком А. Н. Несмеяновым (1899–1980) и главным ученым секретарем Президиума АН СССР, академиком А. В. Топчиевым (1907–1962), предназначенным для Отдела науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б), отмечалось: «В 1950 г. на заседании Президиума АН СССР были заслушаны отчеты о работе и состоянии кадров 25 научных учреждений Академии наук СССР, в том числе 7 филиалов. Проверка работы с кадрами в ряде институтов и филиалов вскрыла крупные недостатки и ошибки, свидетельствующие о грубом нарушении большевистских принципов подбора, расстановки и выдвижения кадров по их политическим и деловым качествам» [9, л. 88]. Отчет этот, однако, Отдел

¹ Об изъятиях из правила об ограничении совместной службы родственников: постановление Совета Министров РСФСР № 510 от 21.08.1972 г. // СПС «ГАРАНТ».

² Об изъятиях из ст. 2 временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях: постановление Совета Министров РСФСР от 01.06.1954 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/seksolog/2053> (дата обращения: 24.07.2023).

науки ЦК не удовлетворил, поскольку, по их мнению, давал «только общие представления о состоянии кадров Академии наук» [9, л. 100]. В результате было запланировано «заслушать и обсудить на совещании в Отделе» более подробный доклад А. В. Топчиева осенью 1950 г. [9, л. 100]. Это решение положило начало усиленной проверке состояния кадров АН СССР, проводившейся в 1951–1953 гг. 9 февраля 1951 г. А. В. Топчиев выступил с докладом на заседании Президиума АН СССР на тему «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в Академии наук», в котором отмечалось, что проведенные проверки в научных учреждениях выявили серьезные недостатки в этом отношении. Среди упомянутых недостатков на первом месте фигурировала семейственность, что нашло отражение в постановлении Президиума АН СССР, гласившем: «Президиум Академии наук СССР располагает фактами подбора кадров в ряде научных учреждений по принципу семейственности и приятельских отношений, связанных между собой круговой порукой, угодных и удобных для некоторых руководителей. Бюро отделений и директора научных учреждений АН СССР часто не пресекают подобных извращений в подборе, расстановке и выдвижении кадров» [10, л. 28], а также в записке, направленной в тот же день в Отдел науки ЦК [10, л. 24].

Академические институты были обязаны отреагировать на постановление Президиума. Хотя Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР (далее – ФИАН) не упоминался в тексте этого постановления, его дирекция также не могла остаться в стороне и не отреагировать на доклад А. В. Топчиева. ФИАН был основан в 1934 г. выдающимся советским физиком, академиком, впоследствии президентом АН СССР С. И. Вавиловым (1891–1951) и к середине XX в. стал ведущим физическим институтом страны, в котором работало более 1 000 человек, в том числе три академика, шесть членов-корреспондентов АН СССР, 23 доктора наук и 54 кандидата наук [11, л. 101] и который в начале 1950-х гг. стремительно развивался, выполняя правительственные задания первостепенной важности. Тем не менее, несмотря на загруженность и перегруженность сотрудников, 9 апреля 1951 г. Ученый Совет института собрался для обсуждения проблем с кадрами в АН СССР. Вел заседание директор института, академик Д. В. Скобельцын (1892–1990), начавший

с пересказа доклада А. В. Топчиева, которому он подвел итог следующим образом: «Вопрос о кадрах в ФИАН’е стоит может быть не столь остро, как в тех учреждениях, которые были указаны в докладе академика Топчиева, однако надо сказать, что постановление Президиума совершенно своевременно и в нашем институте также имеется большое количество недостатков в кадровой работе, которые мы и должны изжить» [12, л. 51].

Пройдясь далее по всем пунктам постановления Президиума, Д. В. Скобельцын дошел и до семейственности. Он выделил две ее разновидности, что может помочь нашему пониманию столь отрицательного отношения в данном вопросе со стороны партийного и советского руководства страны: «Остановлюсь на еще одном чрезвычайно важном вопросе, который отмечался в постановлении Президиума, это вопрос о семейственности и спайке внутри лабораторий, – начал Д. В. Скобельцын и продолжал – Здесь можно говорить о двух родах такой семейственности и спайки. С одной стороны, это чисто родственные отношения, а с другой – отношения приятельские, когда коллектив лаборатории или группа работников стремится покрыть те недостатки, которые имеются в лаборатории, как будто поддерживая кого-либо из своих товарищей, а на самом деле делая ему плохую услугу» [12; л. 55–56]. Таким образом, считая, что родственные и дружеские отношения между сотрудниками лабораторий позволяют им объединяться против институтской администрации, скрывая от нее различные неприглядные факты в работе своих подразделений. Количество друзей и приятелей, работавших вместе, выявить трудно, но стенограмма заседания сохранила взятые в отделе кадров института данные о работавших в нем родственниках: «По линии чисто семейственных отношений я укажу, что проведенный просмотр состава сотрудников лабораторий показал, что в нашем институте имеется 47 случаев нахождения на работе ближайших родственников, т. е. муж и жена, брат и брат, таким образом получается 97 человек, связанных родством, – говорил Д. В. Скобельцын и продолжал: – Большинство этих случаев не являются страшными, потому что эти лица работают в различных лабораториях, не связаны никак между собой по соподчинению друг другу, не выполняют ответственной работы, но в целом ряде случаев имеются и более сложные моменты». Эти «сложные моменты» были названы

директором поименно: «Можно указать, например, на Чуприна, у него работает брат и жена брата. В лаборатории оптики работает Г. С. Ландсберг¹ и его супруга Фрида Соломоновна². Затем супруги Кононовы – старший бухгалтер и заместитель главного бухгалтера» [12, л. 56]. Подводя итоги своего выступления, Д. В. Скобельцын также упомянул о необходимости искоренения семейственности наряду с другими недостатками: «Надо обратить особое внимание на вопрос уничтожения семейственности в тех случаях, когда эта семейственность может повредить научной работе» [12, л. 61].

Надо сказать, что последовавшее за выступлением Д. В. Скобельцына обсуждение оказалось долгим и бурным; собравшиеся затронули массу проблем, накопившихся в институте, однако при изучении стенограммы заседания хорошо видно, что «семейственность» во время этого обсуждения была упомянута кратко и скорее по обязанности, требовавшей отреагировать на каждый пункт постановления Президиума. И даже при этих упоминаниях речь в основном шла о втором виде семейственности по классификации Д. В. Скобельцына, т. е. об отношениях дружеских, из-за которых сотрудники либо пытались скрывать какие-то инциденты от руководства, либо выступали сплоченным фронтом в спорных, деликатных, затруднительных ситуациях. Например, сам Д. В. Скобельцын назвал случай с дракой в Крымской экспедиции института, который попытались скрыть, и конфликт вокруг одного из сотрудников в лаборатории космических лучей: «...дело Хайдарова показало наличие элементов семейственности в этой лаборатории», – затем уточнил: «Вместо того, чтобы правильно оценить поступок Биргер с тов. Хайдаровым, т. е. вместо того, чтобы осудить его, лаборатория взяла Биргер под свою защиту, а Хайдарова очернила полностью. Это было результатом неправильного отношения к делу. Была такая товарищеская спайка в дурном смысле слова, которой мы должны избегать» [12, л. 58].

Ведущих сотрудников института, входивших в состав ученого совета, интересовали главным образом вопросы недостатка кадров, нехватки молодых специалистов, невозможности принять

¹ Ландсберг Григорий Самуилович (1890–1957) – физик, чл.- корр. АН СССР с 1932 г., академик с 1946 г.

² Барышанская-Ландсберг Фрида Соломоновна (Самойловна?) (1900–1989) – физик, кандидат физико-математических наук.

в аспирантуру института студентов, уже проходивших в нем практику и зарекомендовавших себя способными и многообщающимися учеными... Единственный выступавший, вспомнивший о семейственности – заместитель председателя ученого совета, д. ф.-м. н. В. Л. Левшин (1896–1969) – предложил «рекомендовать дирекции рассмотреть вопрос о целесообразности оставления на занимаемых должностях сотрудников института, состоящих в прямом родстве и находящихся в соподчинении по работе» [12, л. 84]. Это предложение попало в итоговое постановление собрания со ссылкой на то, что «в институте работает ряд сотрудников, связанных прямым родством (47 случаев), причем иногда эти работники находятся в соподчиненных отношениях (братья Чуприны, супруги Кононовы, Ландсберг и Барышанская и др.)» [12; л. 88–89]. Выдающийся физик Григорий Самуилович Ландсберг, лауреат Сталинской премии, академик АН СССР, дважды награжденный орденом Ленина, счел необходимым высказаться по поводу обвинений в совместной работе с женой: «По вопросу персональному, который был затронут В. Л. Левшиным, я долго говорить не буду. Я работаю с Фридой Соломоновной 25 лет, женат 23 года. Я считал положение совершенно нормальным, а дело дирекции или Президиума принять решение по этому вопросу» [12, л. 68]. Этим обсуждение данной темы и ограничилось. В отчете АН СССР о работе с кадрами за 1951 г., направленном в Отдел науки ЦК ВКП(б), а также в созданной на его основе Отделом записке, предназначенной для Г. М. Маленкова, ФИАН и его проблемы с семейственностью не упоминались, чего нельзя сказать о других академических институтах: «В ряде институтов все еще имеют место случаи подбора кадров по принципу семейственности и приятельских отношений. Например, в Ботаническом институте 39 научных сотрудников, а в Геофизическом институте 54 сотрудника связаны родственными отношениями, некоторые из них находятся в непосредственном служебном подчинении друг от друга», – отмечалось в докладной записке [13, л. 135].

ХІХ съезд Коммунистической партии СССР и его последствия для ФИАН

Однако облегчение ФИАН от удачно проведенного маневра по успокоению академического и партийного руководства ока-

залось преждевременным. Гром грянул буквально на следующий год – во время XIX партийного съезда. Осенью 1952 г. после долгого перерыва руководители ВКП(б) организовали и провели XIX съезд своей партии. Необходимость борьбы с семейственностью прозвучала уже в отчетном докладе, сделанном от имени ЦК ВКП(б) Г. М. Маленковым (1901–1988): «Партийные организации обязаны обеспечить, чтобы во всех звеньях нашего аппарата неукоснительно соблюдались установленные нашей партией принципы подбора и расстановки кадров, – говорил он. – Необходимо вести непримиримую борьбу с семейственностью и круговой порукой, покончить с бюрократическим отношением к делу изучения и подбора кадров»¹. В данном контексте семейственность фактически оказалась равнозначна коррупции. Вслед за выступлением Г. М. Маленкова признаться в семейственности или выявить факты ее наличия в различных организациях поспешили и другие выступавшие, в том числе А. А. Фадеев (1901–1956), Ф. М. Прасс (1909–1965), Н. С. Хрущев (1894–1971). И. К. Лебедев (1907–1972), выступая в прениях после доклада Н. С. Хрущева, подвел своеобразный итог, заметив, что в выступлениях участников съезда «отмечалось особое значение борьбы против семейственности, круговой поруки и порочного принципа так называемой «незаменимости» в подборе и расстановке кадров»².

Но неприятные последствия для ФИАНа имело выступление Е. А. Фурцевой (1910–1974), представлявшей на съезде Московский обком партии. Она не сочла возможным ограничиться одной-двумя формальными фразами в отношении случаев семейственности и подошла к данному вопросу более основательно, раскритиковав АН СССР и другие научные и учебные заведения Москвы: «Товарищи, серьезным тормозом в развитии критики и самокритики является семейственность и пережитки групповщины, которые имеют еще место в ряде организаций, – констатировала Е. А. Фурцева и перешла непосредственно к ФИАНу. – О какой критике и самокритике может идти речь, скажем, в Физическом институте Академии наук СССР, где 102 работника состоят в родственных отношениях

¹ Документы и материалы XIX съезда ВКП(б) [Электронный ресурс]. URL: <https://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpps.html?showall=1> (дата обращения: 27.07.2023).

² Там же.

(оживление в зале, смех), причем часть из них находится в непосредственном подчинении друг у друга»¹. Вторым институтом, подвергшимся критике Е. А. Фурцевой, стал Московский государственный педагогический институт, сыгравший роль примера учреждения, в котором благодаря отсутствию критики и самокритики происходят очень неприглядные вещи: «В этом институте, отметила выступавшая, – ученые степени присуждались за диссертации, не представляющие никакой научной ценности, и даже за такие, в которых содержались грубые извращения марксистско-ленинской теории и фальсификация истории героической борьбы нашего народа. Только за два последних года Высшей аттестационной комиссией было отклонено восемь таких “диссертаций”»². Другие вузы и институты поименно названы не были.

Упоминание их института с высокой трибуны и в таком негативном контексте для руководителей и сотрудников ФИАна оказалось неожиданным. Съезд проходил с 5 по 14 октября 1952 г. Отдел науки тут же запросил у Г. М. Маленкова разрешение на проведение проверки состояния работы с кадрами в ФИАне [14, л. 175], ссылаясь на многочисленные случаи семейственности в этом институте. По их предварительной информации 125 сотрудников, или 11 % от общего числа работников организации находились в родственных отношениях. Некоторые из них перечислялись поименно: «...в институте работают: заместитель директора института по научной части Добротин³ и его жена, помощник директора по административно-хозяйственной части Чуприн и его жена и брат, секретарь партбюро Козинец и его жена, заместитель секретаря партбюро Федулов и его сестра с мужем, доктор физико-математических наук Марков и его жена и другие». Отмечалось, что в институте встречаются случаи, когда родственники находились в подчинении друг у друга. Здесь также приводились конкретные примеры и назывались конкретные имена: «Например, Добротина К. И. работает младшим научным сотрудником в лаборатории космических лучей, которой заведует ее муж Добротин; в подчинении заведующего

¹ Документы и материалы XIX съезда ВКП(б) [Электронный ресурс]. URL: <https://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=1> (дата обращения: 27.07.2023).

² Там же.

³ Добротин Николай Алексеевич (1908–2002) – доктор физико-математических наук; в 1950–1955 гг. ученый секретарь Президиума АН СССР; в 1951–1967 – заместитель директора ФИАна.

лабораторией спектрального анализа Мандельштама находится его родственник Райский; помощнику директора института Чуприну подчинен его брат, являющийся заведующим складом Памирской научной станции; заместителю заведующего акустической лабораторией Смирнову подчинены его жена и муж сестры жены; в подчинении у начальника административно-хозяйственного отдела находится его зять Шарапов, являющийся исполняющим обязанности начальника отдела снабжения». Всего было подсчитано, что «в девятнадцати случаях “семейные пары” (муж – жена, невестка – свекровь, братья и т. д.) работают в одном месте – в одной и той же лаборатории, либо на одной научной станции. Так, в эталонной лаборатории работают профессор Марков и его жена, докторант Коломенский и его жена, а всего пять “семейных пар”, в лаборатории космических лучей (с Долгопрудненской станцией) – четыре, и в акустической лаборатории – пять “семейных пар”» [14, л. 175].

Более того, сотрудники Отдела науки ЦК выяснили, что количество работавших в институте родственников продолжало увеличиваться: в 1949 г. количество сотрудников, состоявших в родстве, увеличилось на семь человек, в 1950 г. – на 12, в 1951 г. – на 25 и за 11 месяцев 1952 г. – на 13 человек. «Таким образом, – отмечалось в докладной записке Отдела науки, – оказывается, что сорок процентов работников, находящихся в родственных отношениях, приняты в институт за период с 1950 по 1952 год» [14, л. 176]. И это несмотря на обсуждение, проведенное на Ученом Совете в 1951 г. Результатом подобной семейственности, по мнению партийных руководителей, стало слабое развитие критики и самокритики в институте, «в результате чего наблюдались случаи публикации сотрудниками института недоброкачественных научных работ» [14, л. 176].

Запрашиваемая проверка тут же была назначена. Уже 3 декабря 1952 г. в записке, направленной секретарю ЦК Н. М. Пегову (1905–1991), сотрудники Отдела науки отмечали, что руководители АН СССР А. Н. Несмеянов и А. В. Топчиев вызывались в Отдел естественных и технических наук и высших учебных заведений (как он к этому моменту назывался) и «их внимание было обращено на серьезные недостатки в работе с кадрами в Академии наук СССР и, в частности, на неглубокое и недостаточно критическое рассмотрение вопроса о работе с кадрами

в Физическом институте» [14, л. 173]. Президиум АН СССР отреагировал мгновенно, приняв специальное постановление «О подборе, воспитании и подготовке кадров в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР» [15, л. 39].

16–17 января в Московском Доме ученых было организовано собрание актива АН СССР для обсуждения мер «по устранению недостатков в работе с кадрами в Академии в свете решений XIX съезда КПСС», на котором присутствовало 693 чел. [16, л. 38]. Директор ФИАНа, академик Д. В. Скобелицын, выступал на заседании и «признал правильными критические замечания о семейственности в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР, рассказал активу о мерах, принимаемых институтом для исправления этого положения» [16, л. 39]. В резолюции собрания актива АН СССР четко зафиксированы причины, по которым руководители страны и науки считали необходимым бороться с семейственностью: «Отдельные руководители подбирают кадры по признакам семейственности и приятельских отношений, стараются окружить себя угодными и удобными людьми, к изучению кадров подходят формально, зачастую самоустраняясь от этого важного дела, и передоверяют его второстепенным работникам (Физический институт им. П. Н. Лебедева, Ботанический институт им. В. Л. Комарова, Секция по научной разработке проблем электросварки и электротермии и т. д.). Такая практика подбора кадров приводит к тому, что в ряде учреждений Академии образовалась семейственность, круговая порука и обстановка парадного благополучия» [16; л. 42–43]. В итоге актив академии «признал необходимым»: «Осудить существующую в ряде учреждений Академии наук порочную практику подбора людей по семейным и приятельским отношениям и рекомендовать вести решительную борьбу с любыми проявлениями монополии и групповщины в науке, наносящими серьезный ущерб делу и мешающим выявлению и выдвижению молодых научных работников» [16, л. 48].

7 февраля 1953 г. А. Н. Несмеянов и А. В. Топчиев направили секретарю ЦК Н. М. Пегову записку с результатами проведенной проверки ФИАНа, в которой вскользь указывалось, что «Президиум Академии наук СССР и институт принимают меры для устранения семейственности и по повышению общего уровня работы с кадрами» [14, л. 178], однако далее перечислялись

проблемы института, которые действительно давно требовали разрешения, в том числе недостаток сотрудников, проблемы с приемом аспирантов, нехватка рабочих помещений, в том числе лабораторий, отсутствие общежитий и жилья для сотрудников и пр., а не семейные связи отдельных работников.

12 февраля 1953 г. дирекция ФИАНа созвала собрание его актива для обсуждения результатов съезда и особенно высказываний товарища Е. А. Фурцевой. Председательствовал Н. А. Добротин, который, как упоминалось выше, сам подвергался критике за совместную работу с супругой. Он начал с того, что процитировал резолюцию заседания актива АН СССР, особенно уделив внимание следующему абзацу из этого документа: «В ряде учреждений Академии наук разворачиванию принципиальной критики в науке серьезно мешают не изжитые до конца групповщина и семейственность, интересы отдельных работников ставятся выше интересов науки в целом. И в качестве одного из институтов, где такое положение имеет место, приводится Физический институт» [11; л. 78–79]. Он также объяснил собравшимся главную цель их заседания: «Мы надеемся, что актив поможет нам рельефно выявить наши недостатки в работе с кадрами и наметить пути устранения этих недостатков. Это и есть задача нашего сегодняшнего собрания актива института» [11, л. 81], а также попросил их: «Критиковать прошу резко, остро и вместе с тем конкретно, указывая определенные фамилии товарищей, ответственных за те или иные недостатки. В наших условиях сейчас лучше перекритиковать, чем недокритиковать. Мы твердо надеемся на то, что критикуемые товарищи не обидятся и воспримут критику правильно и сделают из нее все надлежащие выводы» [11; л. 81–82].

Далее Д. В. Скобелицын отчитался в том, что уже сделано для ликвидации семейственности в институте. По его словам, на 1 декабря 1952 г. среди научного и научно-технического персонала института работало 53 человека, связанных родственными узами, из которых 28 – в одной лаборатории. На момент проведения собрания в институте осталось 33 человека научных сотрудников-родственников, из них 4 работавших в одной лаборатории, но поскольку они находились в экспедиции, это было не так страшно. В целом же на 1 декабря 1952 г. в ФИАНе насчитывалось 120 сотрудников,

состоявших в родстве, а на 10 февраля 1953 г. – уже только 75. «Мы ликвидировали имевшие у нас место отдельные случаи непосредственного соподчинения родственников, работавших в одной лаборатории или отделе, – заявил Д. В. Скобелецын, – но общее число родственников, работающих в институте все еще очень велико. Поэтому работу по устранению родственных связей в институте ни в коем случае нельзя считать законченной» [11; л. 88–89]. Он также постарался объяснить, почему это так важно: «Вопрос об устранении семейных связей в институте прежде всего связан с развертыванием критики и самокритики. Самые меры по устранению родственных связей не являются, конечно, самоцелью, а направлены к устранению условий, которые могли бы препятствовать развертыванию критики. В решениях актива Академии записан пункт в наш адрес, который был уже зачитан, – отмечал он и продолжал свое объяснение. – Вместе с тем вопрос критики и самокритики имеет особенно большое значение для поднятия уровня научной работы. Большевистский метод критики и самокритики является одним из важнейших методов решения вопросов, поставленных перед наукой» [11, л. 89].

Из стенограммы последующего обсуждения видно, что несмотря на часто произносимые слова о справедливости критики Е. А. Фурцевой о том, что институт уже начал избавляться от «лишних» родственников, выступавшие все время сбивались на обсуждение застарелых проблем института по обеспечению его сотрудниками, особенно квалифицированными младшими научными сотрудниками, лаборантами, научно-техническими специалистами; об отсутствии в АН СССР системы подбора специалистов для научных институтов в целом: «Кадры подбирались и продолжают подбираться непланово, т. е. в лабораторию попадают люди, которых удастся достать, а не те зачастую, которых следовало бы иметь для обеспечения естественного хода развития лаборатории», – отмечал, например, [Л. Н.] Кацауров [11, л. 126]; «При отсутствии планового набора сотрудников через государственные организации прием на работу в институт в прошлом в течение многих лет производился путем непосредственного приглашения сотрудников руководителями лабораторий и отделов. Этот способ подбора сотрудников привел к приглашению на работу людей, знавших друг друга ранее,

что не могло не вызвать ослабления критики», – вторил ему В. Л. Левшин [11, л. 152]. Голубков, сотрудник акустической лаборатории, очень ясно описал, к чему привела поспешная борьба с семейственностью: «Получилось таким образом: допустим, увольняется сотрудник, а замена ему не предусматривается. На примере нашей акустической лаборатории могу сказать, что замена не предусматривалась. Более того, получалось таким образом: решили вопрос о ликвидации семейственности, а как решался этот вопрос, каков ход дела, какой вред принесло неправильное решение этого вопроса в институте, – на это внимания не обращалось» [11; л. 122–123].

Многие сотрудники задавались вопросом, почему критика обрушилась именно на Физический институт. Ответ на этот вопрос отчасти дал в своем выступлении партийный лидер ФИАНа Козинец: «Наш институт один из крупнейших в Академии наук, решающий важные задачи и поэтому в этом институте прежде всего должен быть наведен нужный порядок в подборе и расстановке кадров. Неправильный подбор кадров не способствует развертыванию критики. Количество родственников, работающих в институте, о чем говорилось на съезде, является показателем, что вопросу подбора кадров уделялось недостаточное внимание. В целом ряде случаев зачислялись сотрудники по рекомендации одного из работающих в институте» [11, л. 174]. В итоге собрание приняло вполне ожидаемую резолюцию, в которой констатировалось, что в институте: «... еще не изжита до конца групповщина, семейственность, групповые интересы отдельных сотрудников ставятся выше интересов советской науки в целом» [11, л. 195] и которая призвала дирекцию уделять большее внимание работе с кадрами и искоренять «групповщину» и прочие недостатки [11; л. 195–202].

Проведенная зимой 1952–1953 гг. в АН СССР компания по борьбе с семейственностью, кажется, удовлетворила руководителей Отдела науки ЦК Ю. Жданова и Н. Глаголева, о чем они сообщили в записке Н. М. Пегову 16 февраля 1953 г., отметив, что «замечаний по итогам собрания» актива АН СССР не имеют [16, л. 53]. Надо заметить, что после XIX съезда партии проверки на наличие семейственности проводились не только в ФИАНе. Отчет по результатам проверки Ботанического института им. В. Л. Комарова, Геофизического института, Института физи-

ческой химии и Энергетического института им. Г. М. Кржижановского АН СССР для заведующего Отделом естественных и технических наук и ВУЗов ЦК КПСС Ю. А. Жданова был готов уже 6 января 1953 г. В нем присутствовали не только абстрактные цифры, но и фамилии конкретных людей с указанием на степень родства, в котором они состояли, а также их должности [16; л. 6–13]. По результатам этой проверки выяснилось, что во всех вышеперечисленных учреждениях работали люди, связанные родственными узами, находясь в т. ч. в подчинении друг у друга. Например, из 446 сотрудников Ботанического института им. В. Л. Комарова 108 чел. находились в родственных отношениях, из них 35 из числа технического персонала, остальные – научные сотрудники; в прямом служебном подчинении у родственников работало 10 чел. Это был наибольший показатель среди проверенных институтов. В геофизическом институте из 651 сотрудника в родственных отношениях состояли 56 чел.; в Институте химической физики – 61 из 633; в Институте физической химии – 63 из 443; в Институте геологических наук – 62 из 691; в Энергетическом институте им. Г. М. Кржижановского – 50 из 499 [16, л. 16].

В соответствии с данным отчетом наиболее часто распространенной парой родственников/коллег, работавших совместно, являлась пара муж – жена. Так, в Институте физической химии из 63 сотрудников, состоявших в родственных отношениях, было «примерно 30 пар» [16, л. 10]. Однако встречались соотношения родителей/детей, братьев/сестер, дядей/племянников и даже более отдаленное родство двоюродных родственников. Как правило, большинство выявленных родственников занимало научные, а не технические должности, хотя руководство Института физической химии, например, утверждало, что «более 50 % сотрудников, находящихся в родственных отношениях, – обслуживающий персонал» [16, л. 11]. Собранные факты дают любопытный материал о динамике внутри семейных/служебных пар: как показывают факты в большинстве из них, муж занимал более высокую должность, чем жена, несмотря даже иногда на наличие одинаковой научной степени. Например, в Рудном отделе Института геологических наук работало три супружеских пары. В первой из них оба супруга имели степень кандидата наук, при этом муж занимал должность старшего

научного сотрудника, жена – младшего. То же соотношение было у второй супружеской пары, хотя в ней жена не имела ученой степени, и только третья пара занимала равнозначные должности лаборантов [16; л. 11–12].

На первый взгляд, приведенные цифры свидетельствуют об очень большом количестве работавших совместно родственников, но если представить данные в процентах, то окажется, что на самом деле это не так (см. таблицу).

Таблица

Количество сотрудников институтов АН СССР,
находящихся в родственных отношениях на январь 1953 г.

Название института	Количество сотрудников (на 6 января 1953 г.), чел.	Находятся в родственных отношениях, чел.	Относительный показатель, %
Физический институт им. П. Н. Лебедева	примерно 1200	125	11
Ботанический институт им. В. Л. Комарова	446	108	24
Геофизический институт	651	56 (80 на 1952 г.)	8,6
Институт химической физики	633	61 (80 на 1949 г.)	9,6
Институт физической химии	443	63	14,2
Институт геологических наук	691	62	9
Энергетический институт им. Г. М. Кржижановского	499	50	10

Из приведенной таблицы также хорошо видно, что ФИАН не был рекордсменом в этой области, поэтому повышенное внимание именно к нему остается неясным. Возможно, это на самом деле не имело отношения к родственным связям в институте, и борьба с семейственностью должна была стать всего лишь предлогом для чего-то иного. Но со смертью И. В. Сталина кампания по борьбе с семейственностью закончилась. В мае 1953 г. Президиум АН СССР отчитался о проведенной в ФИАНе работе. В направленной в Отдел науки и культуры ЦК КПСС докладной записке А. В. Топчиев написал, что постановление Президиума АН СССР «О подборе, воспитании и подготовке кадров в Физическом институте им. П. Н. Лебедева» было обсуждено на открытых партийных собраниях во всех отделах и лабо-

раториях института; проведено собрание актива института, на котором присутствовало 260 человек, из которых в прениях выступило 14. Также, по его утверждению, были приняты меры к ликвидации семейственности в институте, выразившиеся в уменьшении количества родственников в штате института: «На 1 декабря 1952 г. в институте работало 129 сотрудников, связанных родственными отношениями, некоторые из них находились в прямом подчинении у своих родственников. За истекшее время случаи прямого подчинения родственников по работе ликвидированы, а общее их число за счет увольнения и перевода в другие учреждения сократилось на 56 человек».

Тем не менее А. В. Топчиев отметил, что «за последние полтора месяца отделом кадров института был выявлен еще ряд сотрудников, имеющих родственные связи – всего 21 человек». Таким образом, после всех принятых мер в ФИАНе продолжало работать «94 сотрудника, связанных родственными отношениями, из них научных и научно-технических работников 40 человек и 54 человека среди производственного и обслуживающего персонала. Дирекция продолжает работу по снижению числа родственников среди сотрудников института» [15; л. 39–40]. Какой-либо дальнейшей реакции со стороны партийного руководства не последовало. Материал отчета использовали в справке, составленной для Н. С. Хрущева [15, л. 42]. На этом дело и завершилось.

Что касается остальных институтов, в которых проводились проверки, то еще 6 января 1953 г. Президиум АН СССР издал приказ об увольнении ряда сотрудников: всего было приказано уволить девять человек из пяти научных учреждений [16, л. 14], – а директорам институтов указать на «недопустимость нарушения “Временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях”» [16, л. 15]. И это единственный документ из всех изученных нами, имевших отношение к данным событиям, в котором упоминается законодательный акт, запрещающий совместную работу родственников. На протяжении всей кампании, о нем никто не вспоминал. Причем руководители институтов не скрывали, что увольняемые сотрудники, как правило, переводятся по договоренности в родственные научные институты. Например, институт Физической химии откровенно заявлял: «Ведутся переговоры с ди-

рекцией Физического института о переводе ряда сотрудников в ФИАН и из ФИАН'а в Институт физической химии» [16, л. 11].

Таким образом, кампания, длившаяся на протяжении нескольких лет, доставившая, можно предположить, немало волнений сотрудникам научных институтов, закончилось ничем. Хотя, конечно, пострадавшие – уволенные – были. Однако их количество оказалось невелико и многим из них нашлись места в других научных организациях. Во многом, как нам кажется, это произошло благодаря тому, что руководство АН СССР и отдельных научных институтов, формально выражая всяческое согласие с руководящей линией партии, провело некий вариант итальянской забастовки и постаралось проигнорировать все мероприятие настолько, насколько это было возможно, ограничившись громкими заявлениями, проведенными собраниями и «правильными» постановлениями.

Обсуждения и выводы

В заключение можно сказать, что, с одной стороны, в первой половине XX в. люди, связанные семейными отношениями, нередко находили работу в одном и том же научном учреждении. С другой стороны, несмотря на очевидное удобство совместной работы, например, супругов для повседневной жизни, собранная по заданию Отдела науки ЦК КПСС статистика показывает, что количество работавших совместно в конкретном научном учреждении АН СССР родственников держалось в среднем всего на уровне 10 %. Изучение официальной риторики и аргументов партийного руководства приводит нас к выводу о том, что партийных начальников беспокоила не столько возможность коррупции в научных организациях, сколько близкие отношения между людьми. Они возражали против не только родственных, но и дружеских отношений – по сути против любых отношений, основанных на взаимном доверии и уважении.

Список литературы

1. Гальтон Ф. Наследственность таланта: законы и последствия. М.: Мысль, 1996. 269 с.
2. Пчелов Е. В. Научные отцы и дети: историческая генеалогия на службе истории науки // Семья и детство в повседневной жизни: история и современ-

ность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веремenco: в 2 т. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. С. 233–238. EDN: ESMBVG.

3. Пушкарева Н. Л. *Libido scientifica* (воспитательные практики в семьях российских ученых 1950–1980 гг.) // *Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции*, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веремenco: в 2 т. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. С. 254–260. EDN: EBZOEА.

4. Wacquant L. J. D. For a Socio-Analysis of Intellectuals: On “Homo Academicus”. Interview with Pierre Bourdieu // *Berkley Journal of Sociology. A critical review.* – 1989. – Vol. 34. – Pp. 1–29.

5. Grilli Jacopo, Allesina Stefano. Last name analysis of mobility, gender imbalance, and nepotism across academic systems // *PNAS.* – 2017. – Vol. 114. – № 29. – Pp. 7600–7605. DOI: 10.1073/pnas.1703513114

6. Иванова Е. Ю. Семейственность (непотизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение // *Теория и практика общественного развития.* – 2020. – № 5 (147). – С. 42–50. DOI: 10.24158/tpor.2020.5.7. EDN: KBOFBW

7. Котомина А. А. «Спецедество» и «коммунизация» против семейственности. Реформирование Московского Политехнического музея в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // *Люди и тексты. Исторический альманах.* – 2021. – № 14. – С. 309–350. EDN: KFNNFJ

8. Щанкина Л. Н. Антикоррупционное законодательство в годы советской власти // *Экономика. Право. Общество.* – 2019. – № 4 (20). – С. 74–75. EDN: MNWKBQ

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 332.

10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 168.

11. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Ф. 532. Оп. 1. Д. 232.

12. Архив РАН. Ф. 532. Оп. 1. Д. 192.

13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 226.

14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 256.

15. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 412.

16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 271.

The Fight with “Semejstvennost” at the P. N. Lebedev Physical Institute of the USSR Academy of Sciences in the Early 50s of the 20th Century

Olga A. Valkova

Based on previously unpublished archival documents, the article examines the history of the political campaign against “semejstvennost” that took place in scientific institutions of the USSR Academy of Sciences in the early 1950s of the 20th century. For centuries, sci-

ence has essentially remained a family business. The outstanding contribution made by representatives of many scientific dynasties to the development of knowledge is well known in the history of science. However, in the USSR, the joint work of relatives in scientific institutions was prohibited by law, and the term “*semejstvennost*” gradually acquired a negative connotation, which was associated with manifestations of corruption and nepotism. Nevertheless, the prohibitions were regularly violated. In the early 1950s the leadership of the Communist Party of the USSR initiated a campaign to combat manifestations of “*semejstvennost*” and nepotism in scientific institutions of the USSR Academy of Sciences. The main attention in the article is paid to the events that took place at the P. N. Lebedev Physical Institute of the USSR Academy of Sciences – the leading scientific institute of its profile. The article traces the stages of the campaign, and special attention is paid to the motives for its conduct.

Key words: nepotism, P. N. Lebedev Physical Institute of the USSR Academy of Sciences, XIX Congress of the CPSU.

For citation: Valkova, O. A. (2023) Bor'ba s semejstvennost'yu v Fizicheskom institute im. P. N. Lebedeva AN SSSR v nachale 50-h gg. XX v. [The Fight with “*Semejstvennost*” at the P. N. Lebedev Physical Institute of the USSR Academy of Sciences in the Early 50s of the 20th Century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 45–68. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_45. EDN: KAJTFC

References

1. Gal'ton, F. (1996) *Nasledstvennost' talanta: zakony i posledstviya* [Inheritance of talent: laws and consequences]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
2. Pchelov, E. V. (2023) Nauchnye otcy i deti: istoricheskaya genealogiya na sluzhbe istorii nauki [Scientific fathers and children: Historical genealogy in the service of the history of science]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 6–8 April 2023. Saint-Petersburg. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Saint-Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Vol. 2. Pp. 233–238. (In Russ.)
3. Pushkareva, N. L. (2023) *Libido scientifica (vospitatel'nye praktiki v sem'yah rossijskih uche-nyh 1950–1980-gg.)* [Libido scientifica (educational practices in the families of Russian scientists 1950–1980-gg.)] [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 6–8 April 2023. Saint-Petersburg. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Saint-Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Vol. 2. Pp. 254–260. (In Russ.)
4. Wacquant, L. J. D. (1989) For a Socio-Analysis of Intellectuals: On “*Homo Academicus*”. Interview with Pierre Bourdieu. *Berkley Journal of Sociology*. A critical review. Vol. 34. Pp. 1–29.
5. Grilli, Jacopo, Allesina, Stefano (2017) Last name analysis of mobility, gender imbalance, and nepotism across academic systems. *PNAS*. Vol. 114. No. 29. Pp. 7600–7605. DOI: 10.1073/pnas.1703513114
6. Ivanova, E. YU. (2020) *Semejstvennost' (nepotizm) kak destruktivnaya forma professional'nyh dinastij: gosudarstvennaya politika i obshchestvennoe mnenie* [Semejstvennost' (nepotism) as a destructive form of professional dynasties: state policy and public opinion]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 5 (147). Pp. 42–50. (In Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2020.5.7 (In Russ.)
7. Kotomina, A. A. (2021) «*Spetseedstvo*» i «*kommunizaciya*» protiv semejstvennosti. *Reformirovanie Moskovskogo Politekhnicheskogo muzeya v konce 1920-h – nachale 1930-h gg.* [“*Spetseedstvo*” and “*communization*” against nepotism. The reform of the Moscow Polytechnic Museum in the late 1920s – early 1930s]. *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah* [People and Texts. Historical Almanac]. No 14. Pp. 309–350. (In Russ.)
8. SHChankina, L. N. (2019) *Antikorrupcionnoe zakonodatel'stvo v gody sovetской vlasti* [Anti-corruption legislation in the years of Soviet power]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Economy. Law. Society]. No. 4 (20). Pp. 74–75. (In Russ.)

9. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (hereinafter – RGASPI)* [The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 17. Op. 132. D. 332.

10. *RGASPI*. F. 17. Op. 133. D. 168.

11. *Arhiv Rossijskoj Akademii nauk (hereinafter – Arhiv RAN)* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 532. Op. 1. D. 232.

12. *Arhiv RAN*. F. 532. Op. 1. D. 192.

13. *RGASPI*. F. 17. Op. 133. D. 226.

14. *RGASPI*. F. 17. Op. 133. D. 256.

15. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii* [The Russian State Archive of Modern History]. F. 5. Op. 17. D. 412.

16. *RGASPI*. F. 17. Op. 133. D. 271.

Об авторе

Валькова Ольга Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

About the author

Valkova Olga A., Doctor of Historical Sciences, Chief Research Fellow of the Department of History of Physical and Mathematical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Moscow, Russian Federation; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

Статья поступила в редакцию 31.07.2023

Одобрена после рецензирования 19.09.2023

Принята к публикации 25.09.2023